

ОБЩНОСТИ ЛИТОВСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ЖИВНЫХ ПЕСЕН

Решению некоторых вопросов этногенеза и истории этнических отношений балтов, прежде всего литовского народа, может способствовать сравнительное изучение литовских и белорусских живных песен, в которых отмечается исключительно много общего. Это утверждение основано на широком материале: сопоставительный анализ был проведен по капитальному Каталогу литовских народных песен и полному академическому сборнику белорусских живных песен. Сравнение материала показало, что 40% белорусских песен (426 из 1055) выявляют яркое сходство с литовскими. Это сходство — не просто тематическая близость, а родственность мотивов, нередко целых песен, представляющих как бы воплощение одних и тех же текстов на двух языках.

Родственный литовцам латышский народ имеет богатый репертуар живных песен, однако в нем очень мало песен, близких литовским. Другие соседние славянские народы — русские, поляки — песен на жниве почти не знают и сохранили только дожиночные.

Для литовских и белорусских живных песен характерны и функциональная однородность, и одинаковая их циклизация в течение трудового дня (приурочивание песен к утру, полдню и вечеру), и разнообразная роль в организации труда.

Характерной общей чертой репертуара живных песен обоих народов является значительное количество произведений, тематически не связанных с жатвой. Они близки к песням календарных обрядов зимнего периода. Эта особенность репертуара также ярко выделяет глубокие корни общности в этом жанре.

В комплексе обрядов, обычаев и песен литовских и белорусских дожинок также много общего, как в верованиях, так и структуре, образах и т.п.

Дальнейшее изучение общностей: стадильная и историческая их дифференциация, выяснение генетических связей, явлений субстрата, заимствований, типологического сходства, — должно опираться прежде всего на глубокий сравнительный анализ отдельных произведений. И в этом изучении существенное место должен занять региональный критерий, так как широкое бытование литовских живных песен отмечено почти исключительно на востоке и юго-востоке Литвы. Белорусские же живные песни, особенно те, в которых обнаружена общность с литовскими, бытуют в большинстве случаев в довольно широком ареале соседствующих с Литвой регионов. Путем изучения природы общностей живных песен можно выявить новые критерии для решения этногенетических проблем.

Л.А.Молчанова (Минск)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩНОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИТОВЦЕВ И БЕЛОРУССОВ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

На основании многочисленных письменных и вещественных памятников феодальной эпохи (инвентари, разнообразные акты, летописные известия и т.д.) можно составить представление о характере материальной культуры населения Великого княжества Литовского. Имеется также немало капитальных трудов русских, белорусских и литовских исследователей, раскрывающих исторический процесс феодально-сословного и социально-экономического развития

различных областей Великого княжества Литовского. На основании огромного фактического материала в исторических исследованиях освещаются не только вопросы, раскрывающие пути развития общественных отношений, но также относящиеся к хозяйству, технике сельскохозяйственного производства, социально-бытовым условиям жизни населения.

Суммирование данных первоисточников и выводов исторических исследований дает основание судить о характере общих явлений в материальной культуре литовцев и белорусов и о путях формирования этой схожести.

Социально-экономическая политика Великого княжества Литовского содействовала созданию единой экономической базы, на основе которой формировались общие черты в общественной и бытовой культуре. Нивелировке некоторых национальных культурных особенностей способствовали также общие правовые нормы (Литовский Статут 1588 г.), регламентирующие бытовые взаимоотношения литовцев и белорусов (почти до середины XIX в.).

Земледелие, достигшее на территории литовцев и белорусов значительного развития уже к первым векам нашей эры, было значительно трансформировано во время земельных реформ середины XVI в. Реформа "Устава на волоки", коснувшаяся в одинаковой степени литовских и белорусских земель, имела существенные последствия для организации земледельческого производства. Узаконение трехполья, создание фольварков, реорганизация крестьянского землепользования способствовали широкому преобразованию земледельческой культуры и усовершенствованию землеобрабатывающих орудий. Эти процессы коснулись в одинаковой мере литовских и белорусских территорий и способствовали появлению общих черт в культуре зем-

леделия литовцев и белорусов.

Наряду с преобразованием земельных владений в результате проведения реформы произошли существенные изменения в типах и планировке сельских поселений, которые были идентичными на литовских и белорусских землях. У того и другого народа реформа способствовала созданию сел с однообразным "уставным" типом планировки. В Литве и Белоруссии появилось много сельских поселений, в которых жилые постройки ставились по одну сторону улицы, а хозяйственный комплекс по другую сторону проезжей части. Претерпела трансформацию традиционная планировка "веночной" (круглой) усадьбы. Приспосабливаясь к вытянутым приусадебным наделам, в "уставных" селах появляется новый тип усадьбы, так называемый погонный.

Взаимопроникновение владений литовской феодальной знати и служилого населения на белорусские земли, а белорусских на литовские значительно нивелировало тип дворовой и фольварочной застройки, виды строительных конструкций и функционального назначения внутренних помещений. Комплекс фольварочной застройки у литовских и белорусских феодалов складывался из аналогичных сооружений хозяйственного и производственного назначения (гумно, осеть, млин, хлевы, обору, свирны, истобки, скарбцы и т.п.). До первой половины XVII в. на обширной территории Великого княжества Литовского широко было распространено строительство господских домов на подклетах - высоких срубных фундаментах, внутреннее пространство которых служило складским помещением.

Много общего наблюдалось в планировке, оборудовании, отделке архитектурных элементов жилых построек и их внутреннего убранства.

В одинаковой мере всех территорий княжества коснулись новые архитектурные веяния, хлынувшие широким потоком во второй половине ХУП в. из стран Западной Европы.

Рост внутреннего и внешнего рынка во второй половине ХУП в., вовлекавший господские и крестьянские хозяйства Литвы и Белоруссии в товарно-денежные отношения, способствовал появлению идентичных видов одежды (мужской, женской, нательной и верхней), типов головных уборов и украшений.

Развитие городского и местечкового ремесла, продукция которого шла в основном на внутренний рынок, содействовало появлению и распространению ремесленных изделий — бондарной и гончарной утвари, весьма схожих по форме и назначению у литовского и белорусского населения. Общность прослеживается и в названиях отдельных составных частей одежды и предметов домашнего обихода.

Общность материальной культуры литовцев и белорусов, зародившаяся в эпоху феодализма под непосредственным воздействием социально-экономических условий жизни населения, углублялась благодаря постоянным культурным контактам и явилась надежной основой дружбы и взаимопонимания двух соседних народов.

М.К.Слава (Рига)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ЧАСТЕЙ ЛАТВИИ И ЛИТВЫ ПО ДАННЫМ ОДЕЖДЫ

I. Картографирование одежды народов Прибалтики, характерной для XIX—XX вв., подтверждает уже ранее высказанное мнение о том, что на протяжении многих столетий отдельные элементы оде-

жды сохраняют признаки не только культуры собственного этноса, но и культурных связей с другими этносами. Одежда, как и культура в целом, отражает процесс непрерывного взаимообогащения культур контактирующих народов.

2. При несомненной общности простейших форм одежды, которые сходны у многих народов разного происхождения и на очень обширных территориях, детальное изучение реалий выявляет специфические ее элементы, характерные только для данного этноса.

3. Западные части Латвии и Литвы, расположенные на берегах Балтийского моря, образуют периферийный ареал, где нередко могут сохраняться архаичные черты одежды, утраченные в центре. Особенно убедительны факты, когда оказывается, что одни и те же архаичные черты сохранились только на разобщенных между собой окраинах былого единства, исчезнув на всей остальной территории. Описанная в ХУП в. Я.Брандом литовская нешитая поясная одежда marginė к середине XIX в. на основной территории Литвы давно уже исчезла. Однако лексема marginė в единичных случаях все еще вспоминается в северо-восточной части Жемайтии как название наплечных покрывал. В Латвии лексема marginē еще употреблялась во второй половине XIX в. в Ручаве для обозначения наплечных покрывал особого вида.

4. В середине XIX в. в одежде западных частей Латвии и Литвы прослеживаются реликтовые формы одежды, которые, по-видимому, были общими у западных балтов на обширной территории, начиная с юго-западной части Курземе, Клайпедского округа и кончая прилегающей к ним Восточной Пруссией (женские рубахи с полками, пришитыми по основе, нешитая одежда маргине, девичьи головные уборы — неукрашенные лентами).